

А. Зверев

Век. Москва. — 1999. — 10 сент. — с. 6

Великий насмешник русской живописи открыл свое лицо

В Государственной Третьяковской галерее открылась выставка классика художественного авангарда Анатолия Зверева

Дарья АКИМОВА

Итак, вот оно. Свершилось. Согласитесь, мы уже много всего видели. Дай-то бог в очередной раз доползти до какой-нибудь галереи (разумеется, очень продвинутой) и обозреть имеющееся в наличии выставочное пространство. При этом «открыть для себя» что-нибудь, оказывается, весьма затруднительно.

Вот и на этот раз никакого открытия не случилось. Ну, классик отечественного андеграунда Анатолий Зверев. Ну, выставка. Экзотично, что подготовила ее не только галерея «Кино» в гордом одиночестве, но и Государственная Третьяковская галерея.

Тут, наверное, вполне уместны были бы тезисы вроде: кто мог бы еще десять лет назад подумать... мог ли когда-нибудь мечтать сам автор... Его творения выставлены в Лаврушинском, а рекламными плакатами украшена вся столица. Но еще не известно, как сам А. З. отреагировал бы на тотальную популяризацию и канонизацию своих творений.

«Тотальность» — это не преувеличение: к моменту открытия выставки у Третьяковки стояла приличная толпа. Это, видимо, была самая интеллигентная и расхлябанная московская очередь. Милые пожилые дамы, смахивавшие на зверевскую музу Ксению Асееву, а рядом — вальяжные ценители прекрасного (стиль по жизни — а-ля Марат Гельман) и таинственно набычившийся продавец нового каталога А. З. (тираж — 1000 экземпляров, себестоимость — 32 доллара, распространяться будет «тихой сапой» — среди посвященных).

Портрет В. Шумского

Впрочем, цена каталога и отчетливая «кулуарная» атмосфера — не самые страшные впечатления от выставки. И даже то огромное, но совершенно секретное количество денег, которое было затрачено на проект, — не самое интересное.

Сквозь торжественный пафос (в который профессионально погрузили журналистов искусствоведы-организаторы) все равно проступило лицо Анатолия Зверева, созданное им самим.

Зачинщикам проекта ну очень хотелось обойтись без банального и затертого Зверева, поэтому «эмблем» его творчества на выставке оказалось до неприличия мало. Проект почти полностью держится на автопортретах, ни один из которых не повторяет предыдущий. Все они были известны и раньше, вот только вместе не собирались почти никогда. Все больше висели по частным собраниям.

Зверев рисовал себя много и охотно. Он сам был своим зеркалом, причем боль и усталость от бесконечной «мифологической» жизни (нищета, скитания из дома в дом и одиночество) отражались в зеркале с нарастающей злостью. Зверев на автопортретах — кто угодно, от красавца Франциско Инфантэ до уродливого уродца. Причем никакой последовательности в циклах автопортретов нет: унылый «Ван Гог в шапке» сменяется киношным демоническим Раскольниковым. Хрестоматийного фотолица Зверева, застывшего в бородатой улыбке, в автопортретах нет вовсе — за исключением парочки «проходных». Слово и не было никогда того самого загульного Зверева из анекдотов. Был только Мастер — с вечной и неповторимой гримасой страдания. Только счастливые похожи сами на себя и друг на друга. Только несчастный гений мог каждый день быть разным. И писать вальяжных довольных «Кошек» (1970) вместе с пронзительно-горькими женскими портретами.

А мы-то все удивляемся: и чего-то Зверев сам на себя не похож? То одна манера, то третья — явно под конец жизни исписался. Читайте его автопортреты. Там все сказано. Великий насмешник русской живописи наконец-то открыл свое лицо. У него черты двуликого бога Януса.